

НАСЛЕДИЕ

ВЕК ГЕНИЯ

МИНУЛО СТО ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АМВРОСИЯ БУЧМЫ

Времена не выбирают. Гениальный артист Амвросий Бучма жил и творил во времена жестокого попрания гуманистических основ украинского театра. Расстреливалось украинское Возрождение. Устранялся из культурного процесса Лесь Курбас, перечеркивались завоевания созданного им «Березоля». Опошлялись нетленные заветы корифеев.

Драматична жизнь Бучмы в искусстве. Тем значимей его миссия.

Сегодня, когда наблюдается бездумное отрицание всего прошлого, и то, и другое нуждается в подтверждениях. Тем более, что видимая сторона биографии артиста подчас сбивает: облагодетельствованный регалиями и почестями, внесенный в ареопаг неприкасаемых, Бучма вполне мог бы олицетворять высшие доблести соцреализма. Во всяком случае, сталинско-ждановская пропаганда постаралась именно так истолковать и преподнести творчество великого артиста.

Действительно, Бучма оставил заметный след в корнейчуковском репертуаре, сыграв Гайдая в «Гибели эскадры», Платона в «Платоне Кречете», Кручу в «Банкире», Макара в «Макаре Диброве» и, наконец, Ленина в «Правде». Но, выходя на сцену не всегда по душеизъявлению, — артисты и ролей не выбирают, — Бучма никогда не был просто исполнителем, только исполнителем. Разрушая заданные драматургические схемы, одушевляя искусственно скроенные характеры, — сжигая собственную душу, — он и тогда добивался поразительных результатов, достигал потрясающей достоверности.

В «Макаре Диброве» — это и сегодня помнят очевидцы — Бучма держал минутную паузу (огромное по сценическим законам время), прижимая к груди бушлат расстрелянного фашистами сына. В эти мгновения забывалось все — и его вовсе не бесталанные партнеры, и незамысловатый декор, и общая фальшь пьесы. Глаз было не оторвать от согбенной фигуры старого шахтера, убитого горем.

Подлинными сценическими откровениями были классические роли артиста: Иван в «Суете», Пузырь в «Хозяине»

Ивана Карпенко-Карого, Коломийцев в «Последних» Максима Горького и, конечно же, вершина его вдохновения — Микола Задорожный во франковском «Украденном счастье». Артист был предельно откровенен душой, поднимая голос в защиту человечности в бесчеловечное время, потрясая сердце и вселяя надежды. В этой роли Бучму помнят несколько поколений: и свидетели премьеры 1940 года, и дожившие до разоблачения сталинщины, — такова уж символика исторических совпадений.

И снова приходится говорить о контексте творчества артиста и общественной атмосферы эпохи. Человек своего времени, Бучма мог разделять те или иные его увлечения и заблуждения. Но силу художественного прозрения он вырывался из оков времени, противился злу и насилию над человеком. Поэтому-то искусство Бучмы пронизано трагическим ощущением распадающейся связи времен в украинской культуре и личной ответственности за сохранность полноты замысла украинского театра. Завершив профессиональное становление у последнего из могикан-корифеев Микола Садовского, развернувшись в полную мощь в «Березоле» Лесь Курбаса, европеизировавшего национальную сцену, и, сыграв коронные роли в театре имени Ивана Франко, Бучма стал как бы связующим звеном между коренными традициями и сценическим авангардом — ключевой фигурой в украинском театре XX столетия.

Актёрские творения Бучмы навеки исчезли в потоке времени. Новые кумиры — и это естественно — заняли подмостки. Сравнивая театральное прошлое и настоящее — и при этом нисколько не умаляя достоинств современного театра, — приходишь к выводу, что Бучма был одним из последних гениев мировой сцены.

Остается уповать на будущее. Бучма же навсегда останется в памяти народной — как воплощение жизнестойкости и могучих потенций украинского народа и его искусства, как залог грядущего возрождения национального театра.

Р. КОЛОМИЕЦ.